

Владимир Неробеев

О любимых во весь голос плачу

12+

Владимир Сергеевич Неробеев

О любимых во весь голос плачу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66671290

SelfPub; 2021

Аннотация

Каждый герой этих рассказов достоин того, чтобы автор с комом в горле рассказывал читателям о своих любимцах, четвероногих друзьях. Любовь к братьям нашим меньшим – это неотъемлемая часть нашего бытия на Земле. Мы у них научились любить и быть верными до конца дней своих. Прочитав эти рассказы, вы хотя бы на йоту будете добрее относиться ко всему живому, что вас окружает. Значит, слёзы мои не напрасны.

Владимир Неробеев

О любимых во весь голос плачу

Франтик.

Он никогда не опаздывал ко сну. Поднимался вместе со мной на второй этаж, садился перед кроватью и ждал, когда я улягусь в постель. В этот раз я уже разделся, а он всё не шёл.

Ежедневно перед сном Франтик исполнял свою штатную процедуру: гонял по щелям соседских котов желających, так или иначе, оставить след, а проще говоря, – нагадить на нашем участке. Коты и кошки знали упорный характер Франтика, поэтому, услышав звонкий голос, ретировались под забор от греха подальше. Пусть, мол, «гроза» утихнет, отойдёт ко сну, а мы уж потом столько наворотим, что мало не покажется. В этот вечер в сад заскочил, скорее всего, какой-то кот – незнакомец, которого Франтик загнал на макушку яблони, достать его ни как не может и требует моей помощи, – слышу тревожно молящие нотки в его голосе. Со второго этажа бегу помочь другу, иначе какие же мы тогда друзья, так одно название.

На крыльце у меня для такого случая специально припасен дрын: нарочно, с поддельной злобой замахнусь им на супостата, – тот с яблони на забор, с забора в проулок, – и по-

минай, как звали. А у Франтика от радости сердце разрывается на кусочки: как ни как победа, пусть с помощью друга, но победа.

Иду в сад. В саду Франтика нет. Он за домом, слышав мои поспешные шаги, стал просто захлёбываться от злобы. В сумерках вижу чёрную фигуру Франтика с белой пеной на губах. Тут и коню понятно, – дело очень серьёзное. На пёсике шерсть дыбом, обрубок хвоста плотно прижат к гузке, к тому месту, которое в момент испуга подводит трусоватых животных, да и людей тоже. Про таких говорят: «С испугу в штаны наложил». Франтик не зря прижал свой обрубок хвоста, ибо картина была фантастической.

Два дня назад знакомый прапорщик для моих хозяйственных нужд привёз небольшой кусок маскировочной сетки. Я её бросил на отмостку за домом, где как раз и происходила сценка, которую описываю. Сетка лежала горкой, как приличная охапка сена. Так вот эта самая охапка вдруг ни с того ни с сего неожиданно резко дёргалась и на сантиметр, другой грозно двигалась по гладкой цементной площадке от дома в сторону Франтика. При каждом неожиданном таком рывке охапки Франтик с места без разбега взмывал вверх. (Иван Ухов, великолепный мастер по прыжкам в высоту, в данном случае отдыхает). При этом заметьте, Франтик приземлялся на сантиметр, другой дальше, нежели стоял до того.

Мне, человеку, давно потерявшему веру в чудеса и приведения, картина происшедшего действия была несколько

смешна и забавна. Понятно, охалка сама по себе не могла так вздрагивать, можно сказать, подпрыгивать. Кто-то там её двигал. Но кто, вот вопрос. Для любого субъекта, сидевшего под сеткой, собака – враг номер один. Он, скорее всего, замер бы на месте до поры до времени, выждав, когда Франтик отвлечётся, дал бы дёру. Этот же хам игнорировал все собачьи протесты прекратить безобразие, – упорно двигал сетку к намеченной цели, наводя меня на мысль, что хозяйские нужды присущи не только человеку. Франтюшка продолжал упорствовать на своём, как ему казалось, не давая супостату продвигаться дальше. Моё появление мало прибавило ему храбрости, разве что лаять он стал настойчивее. Мне на миг представился Марсик, – тот в один момент разнёс бы и охалку, и того, кто под ней сидел. Франтюшка явно трусил, постоянно держа определённую дистанцию. Как я заметил, прыгал он не ради тренировки, как это делает Ухов. На лету он успевал, вытянув шею, склонить голову то на ту сторону охалки, то на эту с мыслью: «А может быть, с боку врага увижу?».

Охалка продолжала настойчиво двигаться по гладкому бетону. Уже между ней и стеной дома образовался узкий коридорчик. Воспользовавшись этим, Франтюшка стал «нарезать» круги вокруг охалки, надеясь сзади её увидеть супостата. Причём, узкий коридорчик он пролетал пулей, не успев даже повернуть головы. Вот что трусость делает! А как же! Вдруг «тот», что в охалке, прижучит в узком коридорчике и дух вон! Простора то нет. Тут даже быстрые ноги не спасут!

Когда Франтик пулей пролетел коридорчик, мне вспомнились слова из известного фильма, сказанные незабвенным Юрием Никулиным: «Я не трус, но я боюсь». Откровенно хохочу над этой комедией, но пора уже и занавес опускать, – собачка вот-вот охрипнет. Тянусь рукой к охапке, Франтюшка вдруг хватъ (не больно, он часто так делал) зубами за мои пальцы и потянул мою руку в сторону, мол, ты что опупел, – отхватит по самый локоть. Я послушался совета друга, и тут меня оторопь взяла: стою-то в трусах и в комнатных тапочках. А если там большая крыса, или хорёк какой-нибудь! В суматохе цапнет, – хлопот не оберёшься. (Вот как трусость одного нагоняет панику на другого!) Боковым взглядом замечаю в своей левой руке палку и радостно выпускаю дух: « Фу-у-ух! Теперь-то нас трое! Это вам не хухры-мухры. Могём и тигру лапки пощекотать». Тянусь дрыном к охапке и на всякий случай голые ноги ставлю подальше от неё. Франтик прячется сзади меня и в ожидании чуда (чем чёрт не шутит!) перестаёт лаять. Стоит вам заметить, что это его коронная тактика: умолкать, когда ему грозит опасность. Увидев, допустим, на улице бродячего пса Кабысдоха, он, бывало, юркнет под забор, в самой дальней картофельной грядке зареется в ботву и молчит, как убитый. Чтобы хоть как-то скрасить конфуз друга, я зову его, якобы к обеду. Он выскакивает из укрытия, отряхивается от пыли и мусора и геройски лает на всю улицу. Вот и теперь он затаился за моими ногами, глядя на палочку-выручалочку, которой я поднимаю охапку.

И чтобы вы думали!?! Под маскировочной сеткой оказался ёжик! Наш общий с Франтиком друг, который жил у нас на участке под сараем. Пёсик тут же сник, и надо бы вам видеть, в какой конфуз он погрузился,— его, словно помоями облили,— весь обмяк и скукожился. Боясь взглянуть мне в глаза, он стоял как оплётанный, даже лапки стал переставлять как-то брезгливо, тщательно выбирая «посуше» и без того сухие места. Так и не взглянув на меня (срамота-то какая!— поднять такую бучу и из-за чего?), он нехотя поплёлся к крыльцу. Ночь нас ждала тревожная, точнее сказать, беспокойная. Франтику опять будут сниться кошмары, и он будет скулить и, возможно, лаять. Жаль друга, но я нем, как рыба, плетусь за ним на второй этаж. Иногда лучше помолчать, чем утешить.

Утром мы вернулись на место вчерашних событий. Франтик напрочь забыл про свой конфуз, был, как всегда, весел и игрив. Я обратил внимание на маскировочную сетку. Она лежала довольно далеко от отмоксти. Видно, что ёж, после нашего ухода, продолжил начатое им дело. Наверное, всю ночь пыхтел, бедняжка, и всё напрасно,— сетка крепко зацепилась за куст розы,— и ни с места! Я догадался, для чего сетка нужна была ёжику!?!— утеплить своё жилище. Мы тут же с Франтиком съездили на поле, привезли соломы и положили рядом, где жил ёж. Пусть ему тоже будет тепло.

Вот такая история приключилась с моим любимым Франтиком.

Сейчас самое время познакомить вас с ним, но прежде скажу вам банальную вещь. Каждый, кто держит собачку, считает её из ряда вон выходящей. И правильно! Ведь она своя. А своё плохим не бывает. Вот иногда смотришь на чужого ребёнка и видишь: у него и прикус неправильный, и уши топориком, голова вообще яйцом вкрутую и перевернута носиком вверх. У вашего чада подобного ничего нет. Родитель же того ребёнка, у которого голова яйцом вкрутую, видит в вашем чаде не меньше недостатков. Так что к своему быстро привыкаешь, свыкаешься и ничего не замечаешь. Уж на что Франтик был безобразным щенком, ну просто уродец! Но мы свыклись с этим и намного быстрее, нежели придумывали ему кличку (иначе звали бы мы его совсем по-другому). Больше недели мы всей семьёй ломали головы, как назвать щеночка, которого жене «втёрли» в виде подарка, а у той язык не повернулся отказаться. Трудно такому существу подобрать кличку. Судите сами: величиной он был чуть больше моего кулака, да и то половину кулака занимали одни уши, хвост длинный и тонкий как у крысы, рачьи глазки на выкате, того и гляди выскочат из своих орбит. Единственное, что утешало в нём,— это цвет. Был чёрным, как смоль. Ни единого другого пятнышка.

«Какая великолепная сапожная щётка!— шутил наш сосед.— При случае, если настоящая, вдруг затеряется, можно пользоваться им. Временно, конечно, пока щётка не отыщется».

Каждый из нас на свой манер подбирал кличку, с пеной у рта «обосновывал» свой вариант и потом убеждался, что она идёт пёсику, как корове седло. Пока мы спорили, «субъект» нашего спора целыми днями дрыхнул в корзине у камина. А когда подходила наша очередь спать, «устраивал концерты» все ночи напролёт: видите ли, скучал по сёстрам и братьям. Приходилось с вечера включать транзистор и прятать в камине. Щенок всю ночь ходил по залу в поисках говорящей невидимки.

Он очень любил конфеты, особенно ириски «золотой ключик». Щенок не знал, что их нужно сосать, начинал интенсивно жевать. Это комедия! Ириски тут же прилипали к зубам, да так крепко, что нельзя было раздвинуть челюсть. Что он только не делал: лапками пытался залезть в пасть, и головой мотал, и визжал. Одним словом, учинял себе, бедняжка, просто издевательство, но от этого лакомства никогда не отказывался.

Младший сынишка предложил впредь давать ириску в обёртке, – зубы не так будут липнуть. Старший возразил:

– Зачем? Во-первых, фантики неизвестно из какой бумаги сделаны, затем незнамо какой краской покрашены, и вдобавок, надписи на обёртке из синюшных масел.

Мы, чтобы сберечь желудок собачки от гастритов и колитов, дружно отклонили такое дело, но слово «фантик» нас заинтересовало. Оно подходило для искомой нами кличке, но тут опять вмешался рассудительный старший сын.

—Он ещё щенок. А вдруг из него вырастит большая псина. Помните, у Корчажиных был Бублик. Кличка подходила, пока он был маленьким щеночком. А потом вымахал всем на посмешище чуть ли не в телка.

Всё тот же старший сын предложил назвать его пока Франтиком:

—Когда вырастит, увидим,— Франтик он или Франт.

Франтом он так и не стал, оставаясь Франтиком навсегда. Наш кот Атос был в два раза больше его. Когда они играли друг с другом, Атос давил пёсика массой, а Франтику возразить было абсолютно нечем.

Теперь представьте себе, что это существо, которого за просто пришибить соплёй, был невероятно отчаянным. На широком и длинном(150см + 50 см) подоконнике второго этажа ему негде было «разгуляться», когда Франтик видел, проходившую по улице собаку или кошку. Он захлёбывался от злобы, метался от откоса к откосу, шерсть на холке и на лбу торчали дыбом, с губ слетала пена. Ну точь в точь, как в сказке про зайца и лису: «Как выскочу, как выпрыгну,— пойдут клочки по закоулочкам!» Столько страху, столько страху! Аж поджилки трясутся.

Таким отчаянным он бывал и на улице, правда, в моём присутствии, а особенно, когда я в руках держал дрын. Заприметив палку в моих руках, чужая кошка или собака мгновенно исчезала в ближайшем переулке, а Франтику казалось, что это он нагнал на них страху и на радостях подпрыгивал

выше моего пояса.

Возможно, Франтик не был бы трусливым, если бы не один случай. Как-то к нам зашла соседка с сынишкой-сорванцом. Пять лет от роду, но такой оторвила,— не приведи Господь. Судите сами: я в это время бетонировал дорожку от калитки к дому, пригладил раствор, как куриное яйцо. Зная проказника, я специально подозвал его и просил не ходить по дорожке. (А надо было с дрыном стоять и караулить). Стоило мне отвлечься, беседуя с его матерью, как услышал сзади какие-то странные звуки. Оборачиваюсь: пацан топчет крышу моего «жигулёнка»,— то ли он отряхивал раствор со своих кожаных сандалет, то ли пробовал,— крепка ли крыша у моей машины. Вы бы видели, как он плакал, доказывая нам, что на бетонной дорожке это вовсе не его следы, а другого какого-то проказника. Вот такой вот сорванец. А дальше уже его проказы коснулись Франтика. Тот рьяно стал пресекать попытки сорванца взять его в руки и чуть не укусил дебошира. Жена цыкнула на безвинного пёсика, и тот обиженно стушевался в зал на диван.

Я заново железнил бетонную дорожку и вдруг услышал через форточку вопли Франтика. Бегу в дом. Жена с гостьей пьют чай на кухне. Сорванец тихо прокрался в зал, где на диване лежал Франтик. Включил пылесос, оставленный женой на время чаепития, снял щётку со шланга, зияющее отверстие которого приставил к заду пёсика. Мощный пылесос стал захлёбываться, засасывая в резиновый шланг Франти-

ка. Хорошо, что у того были лапки. Задние он согнул в коленях, не давая себя проглотить, а когтями передних судорожно вцепился в плотную ткань дивана.

Увидев эту картину, я потерял контроль над собой. Не отдавая себе отчёта в действиях, крутанул сорванцу ухо на два оборота, словно ключ в замочной скважине. С той поры пылесос нагонял на Франтика панический страх.

Кстати, собаки очень подвержены этим самым паническим страхам. Я знал одну собачку, которая, заслышав от кого-то ни было два слова: «Пойдёмте купаться», сломя голову убежала на край деревни и до вечера оттуда не возвращалась. Очевидно, её не раз бросали в реку или пруд, чего она страшно не любила. А в Крыму, где мне пришлось на время отдыха снимать комнатку, пёсик Ерощка страсть как не любил, когда ему показывали «козу» из двух пальцев, напоминающую движение ножниц. Этого бедолагу, наверное, часто стригли тупыми ножницами. Ерощка готов был разорвать в клочья того, кто показывал ему «козу».

Так с той поры пылесос нагонял на Франтика панический страх. Стоило нам кому-то нагнуться к пылесосу или прикоснуться к нему, Франтик медленно на цыпочках, словно крался к жертве, тихо уходил в самую дальнюю точку дома. На втором этаже прятался в детской комнате, на кровати и обязательно под подушкой; внизу убежищем ему служил топчан на веранде, за которым он чувствовал себя, как за каменной стеной.

Надобно рассказать вам, как Франтик относился к еде. Ни один ребёнок в мире, будь он капризным-прекапризным, не годился бы ему в подмётки. Я не помню случая, чтобы он что-то съедал с аппетитом, кроме, конечно, ирисок «золотой ключик», если при этом можно назвать аппетитом те мученья с прилипанием зубов. Режем, к примеру, ломтик варёной колбасы или котлету кладём на блюдце, что в углу на кухне. Зовём его к завтраку (не позови, он вообще не придёт ни сегодня, ни завтра, ни через неделю). Ковыляет из зала нехотя, лениво, неуклюже переставляя лапы, словно в штаны навалил. Подойдёт к блюдцу, долго-долго смотрит на кушанье, потом обернётся на нас, сидящих за столом и с аппетитом уплетающих завтрак, как бы вопрошая: «И это всё мне!?!». Ни за что сам не притронется к еде. Отщипнёшь кусочек колбасы или котлеты, сунешь ему под самый нос, тогда соизволит пожевать, да и то с таким видом, словно ему дали горькую-прегорькую пилюлю. Кстати, о них, о таблетках. Франтик однажды заболел чумкой. (Это страшная болезнь для животных). Спасти его от гибели могли только таблетки, прописанные ветеринаром. Впихнуть их в пёсика не было ни какой возможности, — он тут же их выплёвывал. Пошли на хитрость: толкли таблетки мелко-мелко, разбавляли молоком и обязательно тёплым: в холодном молоке крошки таблеток плавали сверху, и Франтик легко от них избавлялся. Обладай Франтик анализом (а это присуще только человеку), последствий от чумки можно было избежать,

и вылечиться до конца. Но этого не произошло. Страшная болезнь в память о себе оставила в собачке тик: задняя левая лапка дёргалась ежесекундно в такт биения сердца, и с этим ни чего нельзя было поделать: всю оставшуюся жизнь пёсик бегал на трёх лапках с поджатой задней. Правда, когда надо было удирать от злой собаки или свирепого кота, Франтик «включал все четыре скорости».

Для Франтика и Атоса я выглядел лохом: меня можно было когда угодно разбудить, дабы справить лёгкую нужду на улице, в любой момент позвать на помощь. Статус жены и детей, не позволял ни Атосу, ни Франтику делать подобное, разве что в моё отсутствие, когда я уезжал на рыбалку.

Атос просыпался среди ночи, а чаще всего под утро. Сядет супротив меня на полу и долго-долго смотрит, не шевельнусь ли я. Если долго не шевелюсь, дабы не разозлить меня, полужёпотом «мя»-кнет и сидит, ждёт пока проснусь. На вырчку Атосу в таких случаях приходил Франтик: он был при мне как бы адъютантом, а стало быть, ему позволялось меня «тревожить» в любое время суток. Услышав проснувшегося кота, Франтик мигом оказывался на полу и, как всегда, начинал лизать Атосу нос, за что тут же получал в лобешник лапой. Без всякой обиды на кота за оплеуху Франтик настойчиво тявкал пару раз, чтобы я проснулся и выпустил Атоса наружу.

Есть мнение, что домашние животные неуловимыми, едва заметными чертами внешне напоминают своих хозяев. Я

с этим согласен полностью. Мало того, собаки перенимают у хозяев некоторые привычки. Например, в плане сна мы с Франтиком со временем стали два сапога пара. Натерпелся (а за одно и научился) он со мною бедолага: я сплю беспокойно, ворочаюсь с бока на бок постоянно, часто вскрикиваю во сне при виде кошмаров и злобных животных. И это происходит постоянно. Однажды, представляете, во сне тигр за мной гнался. Огромный полосатый, как сейчас помню, с рваными ушами. Я от него пытаюсь огребаться во все лопатки, а ноги свинцом налиты – не слушаются, – с места не сдвинешь. Как я умудрялся бегать, – ума не приложу. Я за куст, – он за мной, я через ручей, – он за мной и вот–вот схватит за шкуру. Я на сосну, он за мной. Сосна, высоченная метров сорок будет Я уже на самой макушке, и тигр вот он. Ну, что ты будешь делать!?! Мне бы каких – ни будь плюгавых два крыла. «Господи» – прошу Бога, но, как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай. Я мигом просыпаюсь, ибо выхода нет. Другой бы расстроился, быть может, заплакал бы от этого страшного сна, а я хохочу, как безумный: надо же! оставил в дураках самого тигра.

Франтик не понимал в чём дело, слыша среди ночи, как я скулю, верещу, (смотря по ситуации) кричу благим матом, а потом ко всему прочему хохочу. Он прыгал на пол с кровати и давай во всю глотку голосить, всех домочадцев на ноги поднимал, за что тут же от них получал строгий выговор, от которого, сконфузившись, готов сквозь землю провалиться-

ся,— он так не любил, когда его ругали! Лучше побей, только не ругай. Интеллигент!!!

Сам он спал, подобно мне, беспокойно. Описать это точно, боюсь, не получится, но попробую.

Как только я улягусь в постель, успокоюсь, он, прыг ко мне на кровать, скользнёт под пододеяльник (под одеялом ему было жарко спать), стихнет, и только задняя лапка выдавала его присутствие. Спал он очень чутко. Как уже знает читатель, я веретенком верчусь на кровати, того гляди придавлю пёсика. Каким-то невообразимым чувством он предугадывал начало моего вращения, и, на мгновение опережая меня, спрыгивал с кровати. Терпеливо выжидал, когда я успокоюсь, и снова юрк под пододеяльник. Как и мне, Франтику снились сны, мягко скажем, не совсем приятные. В такие минуты он чуть слышно скулил, суетливо перебирал лапками, дыхание его учащалось (понятно, от кого-то удирал). Наконец, когда скулёж переходил в откровенный визг, он мухой летел с кровати на пол и начинал громко лаять на окно. Потом спохватится, ведь это же сон («какую оплошность допустил!») весь сожмётся в комочек, опустит свои длинные уши, и крадучись, скользнёт под пододеяльник и затихнет, будто его там нет.

Франтик по натуре был не злым, а добрым. Как истинный интеллигент, он боялся причинить другим боль. Если доставлял кому дискомфорт, тут же тушевался и боялся даже взгляд поднять,— до того ему было не по себе.

Не раз замечая это, я приходил к выводу, что не только человеку даны переживания и эмоции. Настроение Франтик создавал себе сам. По выражению моего лица соображал: веселиться ему или плакать. И заходивших в дом людей мерил той же меркой,— в добром ли они расположении духа. Он их не то, что бы боялся, а остерегался, дабы его не украли. Выглядывал из-за шкафа или дивана, осматривал незнакомца снизу вверх, как бы соображая, способен ли этот человек на такую подлость, как украсть его и унести из дома. (Этого бы он никогда не перенёс). На подозрительного человека (если я был рядом) налетал вихрем, громко и долго, долго лаял, пока не скажешь ему замолчать. Приказы он исполнял мгновенно,— два раза не надо повторять. Однако, однажды мне не удалось заставить его молчать. Я таким злым его ещё никогда не видел, причём злым на меня, на своего друга.

Было это так. Мы копали с Франтиком картошку. (Понятно: я копал, а Франтик наблюдал за мной). В какой-то момент увидел, как под штакетник забора подлезает Мушка (это я для себя её так нарёк), собачонка из дома в дальнем проулке, в котором каждое лето отдыхала семья москвичей. Она породистая, в отличие от моего друга: на лапках и на животе шерсть коричневая, на спинке и на боках черная, как у Франтика. Соответственно и ушки у неё двух цветов. Одним словом, красавица, спортсменка и так далее. Я любовался гостьей, потому что видел её первый раз, а мой приятель на неё ноль внимания. Мушка шустро подошла к нему

и вместо обряда обнюхивания стала топтаться рядом, а вернее сказать стала танцевать. Франтик, наконец, повернул в её сторону голову, но с таким недовольным видом, мол, ты чо не видишь, что мы делом заняты. Я бросил копать картошку, стал наблюдать за ними. Мушка подошла ближе к женишку, слегка оперлась на его бок и положила свою милую мордашку Франтику на холку. (Смелая бабёнка!) Это был особый какой-то знак внимания у собак, то бишь, тонкий намёк на толстые обстоятельства, потому как Франтика словно подменили: он тоже затанцевал и не забыл про обряд обнюхивания. Пёсик так быстро переметнулся во власть Мушки, что меня уже для него не существовало. Поди ж ты, что любовь-зараза вытворяет! Так, танцуя друг перед другом, они подошли к тому месту, откуда появилась Мушка и скрылись за забором. Мне осудить бы надо Франтика за его легкомысленный поступок, ну, а сам-то каков: завидев красотку, забываешь обо всём на свете.

Я вздохнул и продолжил копать картошку. Ведра ещё не накопал, слышу издалека жалобно молящий голос друга. И так этот голос, вернее, окрас его резанул мою душу, что пришлось вспомнить далёкое-далёкое детство. Стоило кому-то обидеть меня на улице, я тут же на всю деревню голосил: «Ба-буш-ка!!!». Открывались ворота, высокая, в два обхвата женщина (моя бабушка) становилась в позу «руки в боки» и всем сразу понятно, сейчас кто-то схлопочет. Те, кто специально обижал меня, сразу линяли, кто же невзначай или

случайно,— просили прощения: «Бубушка Апрося, я случайно...»,— и вмиг проблема исчезала, болячки рассасывались, и всё было оккей. Вот только у Франтика болячки не рассасывались, он голосил так, словно по нём машина проехала. Если так, то лежать бы ему у дороги, но пёсик как на стометровке с включенной «четвертой скоростью» мчался к дому. Я, примерно, догадывался, что стряслось (всё-таки стреляный воробей), но не ожидал, что Франтик так настойчиво позовёт меня на помощь. Я стоял в растерянности, не зная, что делать, а он вцепился зубами в мою штанину и с такой злобой стал тащить меня. Я попытался запретить тянуть за брючину, куда там! Как обычно пена на губах, значит, что-тохватило его за живое, просто так он пеной бросаться не стал бы.

Беру дрын, эту «бабушку Апросю», иду крейсерской скоростью за Франтиком. Он ещё больше торопит меня, боится, вдруг не успеет. Не понимаю, что случилось, пожар что ли? А пёсик спешит, суетится и направо гавкнет, и налево. Понятно, он что-то рассказывал, но что?

«Бестолковый всё-таки,— подумал я про себя,— иди куда тебя позвали, там видно будет».

Идти пришлось довольно долго, за последние дома деревни в лес на поляну. Пока шли, Франтик не умолкал ни на минуту, голос его был тревожным, но без той злости, с которой тянул меня за штанину.

На поляне нас ждала такая картина: Мушка лежала живо-

том на траве, вытянув все четыре лапки в струнку. Метрах в пяти от неё сидел бесхозный кобель Кабысдох. Недалеко от него теснились, иногда покусывая друг друга, стайка кобельков, живущих по принципу «а вдруг что-то обломится и нам перепадёт».

Заприметив в моих руках «бабушку Апросю», Кабысдох и стая кобельков ломанулась в разные стороны, а будь я без строгого оружия, хулиганы даже б ухом не повели. Мушка поднялась с земли, отряхнула с себя прилипшие травинки и радостно пошла на встречу Франтику. Они долго обнюхивали друг друга, как – будто не виделись сто лет и спрятались за густым кустом орешника, оставив меня наедине с дрыном. Ждал я друга довольно долго, более получаса. Вернулся он уставшим, часто приседал на траву, приводил себя в порядок и снова еле-еле плёлся сзади меня, не выронив ни звука.

Этот случай я уже успел порядком позабыть, когда к нам однажды позвонили в дверь. На пороге стояла молодая и симпатичная женщина, держа в руках корзиночку, на дне которой сладко спал щеночек, ну вылитый Франтик.

– Это вам алиментщик, – просто сказала она и протянула мне корзину. Я не знал, как благодарить и не успел этого сделать, как она развернулась и скрылась за дверью.

Ах, но как же кстати этот подарок судьбы! Мы только на днях договорились с родственниками в выходные поехать в город, купить там щеночка и подарить его семье Филимоновых. Дело в том, что жена Филимонова не так давно

заболела рассеянным склерозом. Сам Филимонов с сыном с утра до вечера на работе, а она бедняжка весь день в коляске. Поговорить не с кем. Как же ко двору пришёлся им щеночек. Они нарадоваться не могли, наперебой хвалили его, говорили, какой он ласковый, умный, понимал всё с полуслова. Только говорить не умел.

Прошло какое-то время. Мне позвонил старший сын. Он служил в войсках ВДВ, просил срочно приехать по какому-то важному делу. В день отъезда я ходил по участку наводил порядок и увидел Атоса, лежавшего на соломе, которую мы привезли с Франтиком когда-то для ежа. Проходя мимо, я окликнул Атоса. Кот лениво посмотрел на меня и поник головою на солому. Я не придавал этой картине ни какого значения.

Трое суток меня не было. Вернувшись домой, я не услышал радостных возгласов Франтика, который всегда после разлуки так радовался моему приезду. Обойдя весь дом, не нашёл его в комнатах. Пошёл на участок, за дом. И там его не было. Проходя мимо кучи соломы, увидел Атоса. Он лежал всё в той же позе, будто прошедших дней и не было. Я окликнул его. Атос не отозвался. Прикоснулся к нему рукой,— он был заоченелым. И тут так защемило моё сердце, слёзы градом хлынули из глаз. Долго не мог прийти в себя. Не стесняясь своих слёз, выкопал за сараем глубокую яму, похоронил Атоса. А что же с Франтиком? Куда он подевался? Спросить было не у кого. Младший сын на время учёбы

в институте переехал жить в город к бабушке. Естественно, он знать не мог. С женой мы давно не контактировали, да она и не сказала бы мне всю правду. Почти месяц я ходил, как в воду опущенный. Горе так придавило, что белый свет стал не мил. Даже похоронив своих родителей, я не был тогда убит так горем, как в этот раз.

Потом, три недели спустя, соседка рассказала мне всю правду о Франтике. Жена каждое утро выпускала его гулять на улицу. Весь день на пролёт Франтик бегал из дома в дом, из подъезда в подъезд. Всё что-то искал. Скорее всего меня.

Во дворе одного дома сидела на цепи чёрная лайка с лихо закрученным хвостом. Большо-о-о-й специалист по белкам, а Франтик был чуть больше белки, как раз на раз укунуть хватало.

Не гневайся на меня, мой добрый читатель за то, что в конце рассказа я так густо замесил скорбные краски. Что поделаешь. Жизнь есть жизнь. Никуда от этого не денешься. Все мы только гости на этом милом белом свете и рано или поздно уйдём навсегда в безвозвратную мрачную вечность. И только память добрых друзей на краткий миг продлит следы нашего пребывания на этой прекрасной земле.

Найда и сестра.

Охотой как таковой у нас никто не занимался. Какая уж тут охота, если кругом поля и не единого кустика. Зверю часом и спрятаться- то негде. Это сейчас лесополосы, посаженные сразу после войны, перегородили все степные да-

ли. А тогда шаром катись хоть сто километров и зацепиться не за что. Наверное, поэтому наш край Воронежский, южнее к Ростову, на диких животных был не особенно богат. Так мелочёвка: зайцы, может лисица где водилась. Иногда из Усманского заповедника забегали волки, правда, случилось это редко, но зато крепко. Однажды стая волков вырезала стадо овец, что для сельчан стало настоящим бедствием- жили-то не богато, каждая голова на счету. Погоревали, погоревали мои землячки, хотели было сообща купит ружья для отстратки, но дальше разговора дело не пошло. Ружьё у нас всегда считалось привилегией зажиточных людей, стоило немалых денег.

–Выкинуть деньжищи, чтобы какая-то железяка на гвозде целыми днями мозолила глаза, не образа же, – так рассуждала бабушка Апрося, когда категорически отказалась дать денег сыну, моему дяде Коле.

Большой любитель животных, охотник в душе, он не успокоился. За два мешка проса, взятых тайком от матери, приобрёл двух щенков русской борзой. Бабушка долго косилась на них, душой чуяла – “тут что-то не так”, но докопаться до истины не могла, уж больно не хотела верить, что кто-то вот так запросто подарит собачат. Ругать дядю не ругала, но всякий раз, подливая в щенячью миску щец или каши-сливухи, попрекала: ” Не багатеи, сами бы завтра это доели.”

–Как назвал своих ребятишек-то? – спросила на второй день бабушка, боясь, что и в этом вопросе сын по молодости

“чепуху сморозит”.

–Эта вот, что порыжей, Найда, – ответил дядя Коля, – а сестре её никак кличку не придумаю.

–Так и назови Сестрой, чего мудрить-то, – посоветовала бабушка, рогачом ставя в русскую печь чугунок с сахарной свеклой.

Дядя Коля в свои шестнадцать уже третий год работал конюхом в колхозе. Пятьдесят лошадей на четверых пацанов, таких же желторотиков, как и дядя – обуза не маленькая. Но главной и боевой задачей, по определению председателя колхоза, фронтовика Семёна однорукого, был племенной жеребец Летун. Рабочие лошади “пахали” от зари до зари. Красавец же Летун весь день не знал, куда деть свою кипучую энергию: бил копытами по стенам конюшни, разбивал колоду, грыз доски и слезы своего стойла. Чтобы жеребец “не перегорал”, был всегда в нужной “форме”, дядя утром и вечером объезжал его. Кипенный, белый Летун на фоне тёмных полей, как приведение метался из края в край по горизонту. А зимой на белом снегу жеребца и вовсе не было видно. Наздник сам по себе носился по воздуху над полями, раздымая одежонку. Вскоре фантастическую картину дополнили две рыжие русские борзые.

Шедшая как-то в лавку бабка Фёкла, увидев “нечистую силу, за которой гнались две собаки”, упала на колени, чтобы возложить крёстные знамена, и расколола о пустую бутылку все яйца, что предназначались к оплате за “газ”(керо-

син). Пришлось дяде возмещать старушкин убыток пойманным зайцем.

Найда и Сестра оказались исправными добытчиками. Почти каждый день дядя Коля приходил домой “ с мясом”. Это в войну-то!

В сорок пятом он ушёл в армию. Собаки сразу осиротели. Пропитание себе стали добывать сами. Бродили по полянам, в логах. В норах ловили сусликов и мышей и делали это удивительно ловко. Попадались в полях и зайцы. Пойманного косога собаки несли домой. Не было случая, чтобы они разодрали зайца, даже окровавленного никогда не приносили. Бабушка Апрося целовала их в острые мордочки, награждала щами и любимой кашей с тыквой.

Трофеи собачек особенно были кстати в сорок седьмом году. Сельчане пухли с голоду, нередко умирали. Мы же остались живы благодаря Найде и Сестре. Бабушка Апрося меняла заячье мясо на картошку или пшено, чтобы и собачек побаловать сливной кашей...

Однажды зимой Найда с Сестрой возвращались из Безгинова лога. В зубах Найда несла большого русака. Бежали уже по Гудовке (один из порядков-улиц села) Начали спускаться к мосточку, рядом с которым жил Ефим Левакин. Преприятный тип. Всю войну ходил с костылём, волочил прямую ногу. Работал в Хаве сторожем в НКВД (что он там сторожил, ни кому неизвестно было). Как только закончилась война, нога Левакина стала сгибаться, и до самой смертушки

он костыля в руки больше не брал.

Ефим Левакин шёл как раз с вёдрами за водой к проруби. Повстречал собак, отнял у Найды зайца и положил его в ведро, чтобы никто не видел. Понёс домой. Собаки за ним. Подняли вой. Русская борзая и лаять-то по-настоящему не умеет, не то чтобы постоять за себя. Ефим стал палками отгонять их от дома. Они не уходят. Сели напротив сеней и сидят, воют.

Всю эту картину видела соседка Левакина Уляха Косориха, которая доводилась двоюродной сестрой бабушке Апросе. Она задворками, задворками, чтобы Ефим не видел, прибежала к нам и рассказала обо всём. В таких случаях с бабушкой Апросей лучше не связываться. Баба-огонь! На вилы полезет, но своего не упустит. Выслушав Ульяну, бабушка мухой к Ефиму Левакину. Тот только-только освежевал зайца. В одной руке у него тушка, в другой -вывернутая шкура косога. Бабушка вырвала из рук Ефима и шкуру, и зайца и давай скользкой тушкой ему по морде наяривать.

—Я тебе, акаанный, и другую ногу выпрямлю, — грозилась бабушка Апрося, выходя от Левакина. Собачки понимали, что ругань хозяйки к ним не относится, и радостно смотрели на тушку зайчонка, которым бабушка продолжала, ругаясь, потрясать в воздухе, и всё пытались дотянуться до него и понюхать.

Кузьма и Кузя

1. Кузьма

Кузьме давно за семьдесят. Он высок и худощав. Голова постоянно клонится вниз, словно на шее камень. Ноги, полусогнутые в коленях, и сутулость делают старика похожим на вопросительный знак. Своим профилем Кузьма как бы спрашивает у человечества: «Для чего живём?!?»

Долгая жизнь убедила Кузьму верить в примету: какое утро, таким будет и день. Утро сегодня отвратительное. Не выспался. Всю ночь мышцы устраивали такой «концерт», – врагу не пожелаешь. Не дали спать, окаянные! Только забудется, задремлет, они как кони на ипподроме, мать бы вашу. Носятся за обоями наперегонки. Ну что делать? Достал мышеловку, стал её заряжать коркой чёрного хлеба. А она, зараза, такая чувствительная, того и гляди по пальцам саданёт. Руки- то трясутся, будто кур воровал. Что хотите – старость! Отгорцевал, голубчик! Уже восьмой десяток на подлёте. Да-а... Так вот к утру только- только справился с мышеловкой. Поставил её под столом. Там пространство маленькое. Кузьма до неё не доберётся. Не дай бог с голодухи тронет корку хлеба в мышеловке, – голову размозжит. Во жизнь! А – аа!.. Кому ни скажи, – засмеют: живой кот всю ночь дрыхнет на диване, день – деньской дежурит около холодильника, ждёт подачи, а хозяин мышей ловит. Чудеса да и только!

Кузьма, с трудом преодолевая каждую ступеньку, по лестнице стал спускаться в подвал. Лестница неудобная: крутая, с большими прогалами меж ступенек. Супруга Кузьмы, царство ей небесное, всегда костерила старика за лестницу.

-Хуже сделать не мог?!?

-А из чего делать – то? – горячился Кузьма, будучи моложе и полный сил. – Языком – то делать – не вспотеешь. Поди– ко глянь в магазине, – худого горбыля не сыщешь. Как в Монголии. На кой лад берегут лес? На тетиву нужна хорошая пятидесятка, чтобы уклон соблюсти.

-Уклон в мозгах поправил бы...Руки не оттуда растут, – не унималась та.

Кузьма горько вздохнул. Сколько труда, а, главное, нервов стоило ему построить свой домишко. Почему – то вспомнилась Братская ГЭС, которую в молодости строил. Работали быстро, ладно. Ни задержек, ни волокиты. А свой дом пыжился, пыжился, чуть пупок не развязался. Одних сапог истоптал на ступеньках райисполкома незнамо сколько.

Старик пошарил по бетонной стене, нащупав выключатель, включил свет. Подошёл к большой деревянной бочке. Разгребая в ней сухой песок, стал доставать морковь круп-

ную, как кукурузные початки. Каждую тщательно вытирал тряпочкой, поднимал её, краснокожую, ближе к лампочке, вертел на свету, искал – нет ли изъянов.

-Хороша, толстопузая! На рынке такую с руками оторвут. – Говорить сам с собою Кузьма начал, как ушла из жизни супруга. Так легче одинокому, не то одичаешь.

Когда пакет наполнился морковью, Кузьма стал на нижнюю ступеньку лестницы, препроводил его наверх. Подошёл к деревянному закрому, что стоял чуть дальше бочки. Открыл крышку и по подвалу пошёл густой терпкий запах картошки вперемешку с утлым запахом гнилой доски.

-И картошкой бог не обидел, – тешил себя старик. Синеглазка крупная, сочная, упираясь друг в дружку, подчёркивала тесноту деревянных стенок закрома. «Как люди, – подумал Кузьма. – Жмутся, теснятся, суетятся. Чудно устроена жизнь. С малых лет до старости колотишься, вертишься в тесном мирке. Зачем? Для чего карабкаешься по этой скользкой ледяной горе, что называется жизнью. Тянешь из себя последние жилы, надрываешься. Тебе кажется, что достиг определённых высот. Остановившись, оглянешься – ты на том же месте. А силы потеряны. Теперь, как выжатый лимон, как стоптанный башмак ни кому не нужен. Валяешься на обочине дороги, мешаешься под ногами. Тебя пинают, от-

кидывают всё дальше и дальше от проезжей части дороги».

Картошка одна к одной, но старик дотошно проверяет каждую, прежде чем положить в брезентовую сумку. Не себе же достаёт, – людям. Наполнив сумку, Кузьма закрыл закром, выключил свет, стал подниматься по лестнице. Каждая ступенька давалась с трудом. Годы выветрили былую силу, пропала ловкость, и только прежнее упрямство заставляло его двигаться.

Старик закрыл крышку подвала. Достал из – за стола старую потрёпанную сумку – тележку. Положил в неё картошку с морковью. Сверху положил круглый безмен. Подошёл к умывальнику помыть руки.

2. Кузя

В правом углу скрипнула пружина дивана. Большой чёрный кот, пушистый – пушистый встал, выгнул спину, сладко потянулся, зевнул. Огромные глаза- пуговицы изредка и не на долго закрывались длиннющими ресницами. Кот сел на край дивана, красным шершавым языком начал вылизывать шерсть на груди. Он всегда так делал перед едой, как бы салфетку готовил. С первых дней своей жизни, ещё будучи маленьким котёнком, он твёрдо усвоил: окружающий мир су-

ществует только ради него. Вот он открыл глаза, и стало светло, а ведь недавно, когда спал, была темень вокруг и тишина. Даже презренные собаки живут только для того, чтобы трусливо гавкать за забором, когда он, Кузя, шёл мимо них по дороге. Некоторые безумцы пытались опровергнуть это мнение, но мощные острые когти отрезвляли строптивцев. Глубокие шрамы на их ушах и носах – хорошая память за прометчивые действия и неуважение к его авторитету. Да что там собаки. Дед Кузьма и тот уважает Кузю, можно сказать, даже любит его. Вот для чего он сейчас моет руки? А-аа! Не угадали. Чтобы взять из холодильника рыбу и дать её Кузе. (Правда, последнее время он делает это не так часто, как бы хотелось коту).

-Не мылся! Бриться не придётся, – ошарашил кота Кузьма, вешая утирку. – Холодильник пуст. Ни рыбы, ни мяса. Денег – то шиш в кармане, да вошь на аркане. Пенсии хватает на раз чихнуть...

...Все коты и кошки разговаривают по – разному: одни-«мяу», другие – «мур», третьи – «мрр». Кузя этого ничего не говорил, был как немой. Издавал непонятные звуки: что – то среднее между «ы» и «м». Причём всегда при этом кивал головой. Чисто по – человечески: «ну как?» а ты понимай, как хочешь.

Его взгляд был глубок и пронизателен. Кузьме порой казалось, что Кузя читает его мысли и саму душу. Не исключено, что в прошлой жизни, если исходить из теории переселения душ, он был умным, интеллигентным человеком: нрав кота был мягок и кроток. Чувствовалось, однако, жизнь та была не сладкой, потому как ел он всегда жадно, будто только что вернулся с голодного края. Съедал всё, сколько не положи. Это наводило Кузьму на грустные мысли: значит и там, в загробном мире, не все бывают сыты.

Поражало Кузьму ещё вот что. Кузя мог справиться с любой дверью и форточкой, куда бы она не открывалась. Но дверку холодильника никогда не трогал, каким бы голодным не был. Этот белый ящик для него был святым. Весь день он мог лежать около него, то и дело тёрся об его угол, но открывать дверку никогда не пытался. Очевидно, ещё от той жизни у него осталась совесть, которая и сдерживала кота от воровства. Это радовало Кузьму.

Кузя лизал шерсть на груди и следил за каждым движением старика. Кузьма, повесив утирку на крючок, двинулся к холодильнику. Кузя спрыгнул с дивана, потягиваясь, пошёл за ним. Кузьма открыл дверку холодильника, Кузя на половину туловища просунулся в дверной проём посмотреть, что там. Полки были пусты. Только в углу на решётке стояла начатая бутылка кефира, да в пакете половинка булки черного

хлеба. Кузьма всегда так хранил хлеб, он долго не плесневет. Старик взял хлеб, кефир. Кузя попятился из холодильника явно разочарованный – сегодня рыбы не предвиделось.

Кузьма разломил руками хлеб, покрошил часть его в тарелку, залил кефиром. Подошёл к площадке кота, чтобы вылить остатки кефира. Кузя сунул голову под руку старика, мешая тому наливать. Часть кефира вылилась на пол.

-Вот тварь нетерпеливая. Обязательно испортит дело, – недовольно проворчал старик, сел к столу, ложкой смешивая кефир с хлебом, стал есть. Кузя лизнул на полу кефир, недовольный повернулся к старику. Они встретились взглядом. Кузя, как всегда, кивнул головой и промычал, мол: «Это всё, что ты можешь предложить другу!?!»

-Щас-sss я тебе отбивную пожарю! – сорвался старик на крик. – Обнаглел до края, дальше некуда. Где я тебе рыбы наберусь. Воровать меня не научили. А денег ни копейки. Вон мышей лови. Мыши пешком под столом ходят, а ты ухом не ведёшь. Привык при социализме на всём готовеньком. Ждёшь всё, выжидаешь. Надеешься на дядю. Я тоже из социализма. Он нас всех за семьдесят лет разучил работать. Все, как галчата, по открывали рты, неместо тебя, ждём, когда нам кто – то да чего – то даст. Кто пошустрее – те воруют по – черному. На это совесть надобно особую. Другие

пытаются что – то делать, так не получается. Вот я прошлый раз картошку пытался продать, – старик говорил спокойнее, перестал кричать. – Целый день милиция гоняла у Киевского вокзала: «Идите и торгуйте на рынке». А там на рынке за место платить надо. Больше сотни, а у меня картошки всего на десятку. Понятно, им, милиции, порядок нужен на вокзале. У нас с тобой от этого порядка пусто в животе. Может кто- ни будь и купил бы мою картошку. Вот была бы и рыба тебе. – Кузя , видя, что ему больше ничего не дадут, стал нехотя лизать кефир. Кузьма продолжал разговаривать то ли с собой, то ли с котом. – Ни картошинки прошлый раз не продал. Может сегодня повезёт. Поеду в одно местечко. Добрые люди подсказали. Тебе, милоч, тоже надо менять жизнь. Хватит пролёживать бока. – Душевно поучал Кузьма Кузю. – Курам на смех получается: я ставлю мышеловку, а тебе и заботушки мало.

По радио пропикали сигналы. Кузьма надел зелёный армейский бушлат, давно купленный у военных за бутылку. Обул белые валенки с коричневыми галошами, натянул потёртую нутриевую шапку. Подхватив сумку – тележку, толкнул ногой дверь. Кузя первым засеменял по ступенькам. Пока Кузьма возился с замком, Кузя у калитки запрыгнул на доску, прилаженную на заборе для него же стариком. Проходя мимо, Кузьма погладил кота: «Иждивенец ты мой. Жди. Я скоро вернусь».

Стоял небольшой морозец. Снег похрустывал под ногами старика. Было свежо, и легко дышалось. Кузьма направился к станции. Кузя скукожился на доске, внимательно провожая старика взглядом.

Подошедшая к платформе электричка глотнула толпу народа, помчалась дальше.

Зажатый со всех сторон пассажирами, старик, яко на крыльях, очутился в вагоне. В нужный момент вывернулся из людского потока, сел на свободное место. Огляделся. Кругом в основном молодёжь. Праздная, модно одетая, беспечно весёлая. Так ехал старик, рассматривая почти каждого. Люди, как люди. Заняты собой. Шумно разговаривали. Напротив старика сидел молодой человек в кожаной куртке, читал газету с цветными картинками. В какой – то момент парень перевернул страницу и с тыльной стороны листа на старика вдруг нагло уставились две совершенно голые молодухи. Они, держась за руки, кружились босыми ногами на снегу. Кузьма смутился от их наглости, словно своровал чего, стал озираться кругом, – не видел ли кто? Стыдоба – то какая! Старик вздохнул украдкой, зажмурил глаза, весь сжался, будто не девицы, а он сидел голый. Притаился, вроде бы как спит. Да разве уснёшь. Сразу мысли полезли всякие в голову. Почему – то сравнил одежду ехавших людей со сво-

ей. Стало стыдно за себя. Дожился. За всю жизнь не заработал одежонки нормальной. Почему – то вспомнилось, как он вот в таком же бушлате после демобилизации ночами в третью смену морозил сопли в котловане Братской ГЭС. Тогда ещё комсомольский вожак Мишка Нищеглот подошёл к нему, похлопал по плечу: «Ничего, браток, вот построим ... будет у нас всё. «Где же оно всё?»»

-Болтун! – неожиданно сорвалось у Кузьмы с языка, да так громко, что все замолкли и обернулись в его сторону. Старик стушевался, подхватил сумку – тележку и пошёл к выходу.

На рынке около метро «Юго – западная» есть закуток специально для пенсионеров. Чья – то «очень умная» голова, чтобы заткнуть рот жалобщикам, отвела небольшую площадку пятнадцать на пятнадцать метров. За место здесь не берут. А за что брать? Прилавков нет, навесов то же. Просто голое место, но рядом с рынком. Старичьё, разложив на картонные коробки, соленья, капусту, картошку расположились сиротливо, но с определённой надеждой.

Кузьма притулился с краю, развязал сумку. Женщина – пенсионерка протянула ему картонную коробку и слегка подвинулась, чтобы старику было просторнее. Кузьма выложил свой товар на коробку, стал ждать покупателей. И картошка,

и морковка были на загляденье. Проходившая мимо женщина сразу их заметила:

-Хороши! Сразу видно, своими руками выращены. На обратном пути зайду, возьму.

-Жди вас, а как же! – сильным голосом проводила уходящую покупательницу соседка Кузумы, что подала коробку.– Мой отец тоже обещал вернуться. Ушёл на войну, и до сих пор нету.

-Возьму, возьму, – обернулась уходившая женщина, приветливо улыбаясь. – Только вот творога куплю.

-А на что брать? – вступила в разговор, стоявшая напротив с квашеной капустой низкорослая старушка. Глаза её часто моргали, слезились, словно она плачет. – У людей нет денег. Уже неделю вожу ведро капусты, не могу продать. Денег нет у людей, – повторила она, вытирая платочком глаза.

-Деньги можа и есть, – вставила открытым рязанским говорком третья женщина, укрывая чёрным тулупом мешок с картошкой и садясь на него. – Народ напуган ценами. Посмотрите, вон азербайджанцы три шкуры дерут с людей. Вот и не ходят на рынок.

Кузьма не любил шапочных знакомств, потому с незнакомыми людьми в разговоры не ввязывался. Он стал рассматривать закуток, скучающих на нём продавцов. Плотные ряды торговых – старушек сиротливо и убого смотрелись на фоне высоченных домов. Они казались чужими, ни кому не нужными среди городского гвалта. Другое дело – основной рынок, что рядом за добротным забором из кованных металлических прутьев. Там другая жизнь. Из окон палатки, обклеенной афишами и разными картинками, разносилась по рядам музыка. «Бум – бум, бум – бум». Какой – то евнух визгливым фальцетом жаловался на свою судьбу. Шустрые «Газели», «Москвичи-каблочки», пикапы торопились освободиться от коробок с яблоками, ананасами, бананами. Бравые чернявые мужички в кожаных куртках нараспашку поторапливали грузчиков, изредка меж собой перекидывались на непонятном языке, деловито и с жаром уже на русском давали необходимые советы молоденьким продавщицам. Те похотливым взглядом встречали замечания своих хозяев, нагло улыбались, как те молодухи со страницы газеты. У них было что – то поразительно общее во взгляде, – у тех голых и у этих одетых. Три милиционера, стражи порядка неторопливо ходили по рядам. Как и продавщицы, заискивающе ловили взгляды чернявых мужичков, здоровались с ними за ручку, кланяясь словно с близкими родственниками.

Шло время. Холодный ветер пронизывал на сквозь, да-

же валенки не спасали. Кузьма крепко продрог, пока вернулась та покупательница. Она не торговалась, не взвешивала, а только попросила Кузьму переложить картошку с морковью в её сумку. Протянула ему десятку.

-Столько хватит? – смущённо спросила она, не закрывая кошелёк и готовая, если что добавить. – Хватит, хватит, – обрадовался старик. Он вспомнил про неудачу на Киевском вокзале, когда милиция не дала даже минуты постоять. А тут десятка! Всё равно, что нашёл на дороге. Собрался, простился со старушками и – в обратный путь.

Сидя в электричке, Кузьма мысленно заходил в свой поселковый магазин. Радостный расплачивался за купленный кефир, хлеб и рыбу для Кузи. Совсем забыл старик про примету: какое утро – такой день. Напомнила ему об этом скрипнувшая дверь вагона, в которую вошёл контролёр мужчина в шапке с кокардой, с компостером в руке и с хроническим насморком, заставлявшим стража порядка то и дело шмыгать носом. Кузьма, продрогший на ветру, как нарочно не взял платок. То же приходилось шмыгать носом.

-Вашшш билет, -шмыгнул носом контролёр.

-Нету, – буркнул старик, отвернувшись к окну, шмыгнул носом. – Забыл взять.

Контролёр заподозрил, что его наглым образом передразнивают, решил проверить, так ли это.

-А голову, – контролёр вновь шмыгнул носом, – не забыл? – Страж порядка имел в виду совершенно иное.

-Голова, – старик шмыгнул носом, – как видишь на плечах. – Догадайся старик, что имел в виду контролёр, может, и обошлось бы всё. Но, как говорится, нашла коса на камень. Не выработали мужики консенсуса, и старик остался без денег.

С полдороги от электрички Кузьму увидел Кузя. Шустро прыгнул с доски, побежал навстречу. Ласково стал тереться о валенки старика, мурлыкал и всё пытался заглянуть Кузьме в глаза. Старик отворачивался, ему стыдно было взглянуть в жёлтые монеты кота. Себе он сварит картошку, или похлёбку какую – ни будь. В подвале много солений. Но ведь кот этого не ест. А Кузя тем временем по бушлату залез на спину старика, на плечи. Он всегда так делал и считал, чем больше он ластится, к хозяину, тем больше получит рыбы. Всю шапку стариковскую вытер за последние годы, зато вкусно ел и был сыт.

В доме Кузьма осторожно снял кота с плеча, молча поса-

дил его на диван. Оба молчали. А о чём говорить? И так всё ясно. Кузя пытливым взглядом следил за каждым движением старика. Тот разделся, достал из-за стола мышеловку, в ней лежал бездыханный мышонок. Около площадки Кузьма скинул его на пол.

– Вот видишь, – устало сказал старик коту, – социализм тебя ещё кормит. А капитализм. ... Не идут рыночные отношения. Ну, ни в какую!

Маэстро

Художник – оформитель районного Дома культуры Михал Егорыч Синеоков шёл из столовой к себе домой. Жил он тут же в Доме культуры в комнатёнке под лестничной площадкой, рядом со сценой. Там же писал афиши, плакаты и картины.

На дворе стоял январь. Для рассказа это роли не играет. На Колыме (а это случилось именно там), что январь, что ноябрь- всё одно и тоже -холодрыга страшная. Мороз под пятьдесят. Плюнешь, и слюна падает на снег уже ледышкой. Туман- первый признак сумасшедшего мороза- окутал весь посёлок. Сквозь седую дымку слабо вырисовывались очертания домов. Михал Егорыч на ходу приподнял воротник полушубка – так теплее.

Проходя мимо гастронома, он обратил внимание на тем-

неуший комочек около мусорных баков. Ему показалось, что комочек тот шевелится. Подойдя ближе и присмотревшись, Михал Егорыч в комочке разглядел котёнка. Бедняжка загибался на сильном морозе. Всего на двух лапах стоял он: на передней левой и на задней правой. Дрожащие две другие поджимал под себя, пытаясь согреть их в своей короткой шёрстке. Котёнок смотрел на человека круглыми, жёлтыми, как трёхкопеечная монета, глазками, устало и обречёно молчал. Вид котёнка говорил сам за себя: заберите, иначе окачурюсь. Михал Егорыч нагнулся, сгрёб котёнка обеими руками и сунул за пазуху.

Сердце художника ёкнуло. Жалкий котёнок напомнил художнику его самого. Картины недавней жизни отрывками, смутно и сумбурно плыли перед ним. Частенько приходилось оглядываться на свою жизнь,, и всегда одна картина главенствовала, как рефрен, постоянно повторялась, застилая все другие видения: шторм в Тихом океане, который трепал их пароход, когда художник Синеоков среди других зеков препровождался на Колыму. Вот уж поистине песчинка во вселенной!

“-Я помню тот Ванинский порт,
И вид парохода угрюмый.
Как шли мы по трапу на борт,
В холодные мрачные трюмы.”

...пел какой-то парнишка в кирзовых сапогах, вцепившись руками в металлическую сетку, перегораживавшую

трыумы. Качка была мучительной. Большинство зеков в бессознательном состоянии катались по полу, словно не живые. Девять дней каждый из них, подобно песчинке в пустыне, находился во власти стихии. За девять мучительных суток художник Синеоков свыкся с ролью песчинки так, что и по сей день не считал себя более того. Вот ещё одну песчинку жизнь закатила ему за пазуху. Синеокова приютили тогда геологи, не дали погибнуть. Теперь его очередь: помочь выжить живому существу.

Войдя в комнату, Михал Егорыч расстегнул полушубок, и котёнок вывалился на мягкий голубой диван, на лоснившееся, выдавшее виды, плюшевое полотно. Человек разулся, разделся, повесил шапку и полушубок на вешалку, а котёнок, замерев, не двигался с места, боясь пошевелиться. Только жёлтыми монетами сопровождал каждое движение человека, при каждом шаге его вздрагивая всем телом.

– Вид у тебя неважнецкий. Точь-в-точь как у меня, желторотика, в первые дни на Колыме, – глядя на котёнка, заговорил художник надтреснутым басом. – Досталось тебе на орехи? Да? Дрожишь, как осиновый лист. Не бойся, бить тебя не буду, – мужчина наклонился и погладил беднягу. Тот от прикосновения руки вначале вздрогнул всем телом и напрягся. Поняв, что его не бьют, а гладят, расслабился и слегка растянулся на диване, сладко пряча за пушистыми веками жёлтые монеты.

– С тобой всё ясно, как белым днём, – продолжил худож-

ник, доставая через форточку, лежавшую между рам и завернутую в газету колбасу. – За непослушание тебя выперли из дому. Ты наверное, шалунишка!?? Не понравился хозяину. Вот и я когда-то не понравился некоторым людишкам, и меня выперли из Москвы. Моё вольнодумие пришлось не ко двору. Вместо того, чтобы “лизать” в своих картинах я “гавкал”. – Михал Егорыч резал колясочками колбасу, раскладывая в глубокую тарелку(другой просто не было). Котёнок почуяв мясной запах, жадно глотнул слюну. – И это нам знакомо. Сколько я её, слюны-то переглотал в лагерях. С голода умирал. Думал не выживу, – Михал Егорыч поставил тарелку перед котёнком, – но бог миловал, а люди добрые помогли. Чему быть, брат, того не миновать. Вот если на роду тебе написано не замерзнуть, значит, не замерзнешь. Как говорится, кому утонуть – в огне не горит. – Михал Егорыч достал из-за шкафа с перекошенными дверками деревянный ящичек, стал отщипывать от газеты кусочки бумаги и стелить на дно ящичка. – Это вот тебе отхожее место, – указал художник на ящик, ставя его в угол комнаты. – Нагадишь, – твоим же носом всё и вытру. У меня, брат, шалишь. Люблю порядок. Беспорядка нанюхался из “параши”. – Котёнок почти не жевал колбасу, а жадно глотал кусками. Он то и дело косился на человека, боялся, что тот отнимет тарелку раньше, чем кончится колбаса. Насчёт порядка он согласен. Он сейчас на всё согласен. Прошлые ошибки усвоил на морозе, как дважды два.

Когда с колбасой было покончено, котёнок неторопливо, со знанием дела стал вылизывать себя. Не смотря на то, что был уставший, “умывался” он капитально и основательно, красным шершавым языком наяривая свою правую лапку. (Художник отметил себе: котёнок чистоплотен, значит, они “споются”).

Котёнок явно повеселел и приободрился. Только в жёлтых монетах затаилась тревога и робость. Не верилось: полчаса назад он мог превратиться и превратился бы в ледышку. Этот человек, что склонился с кистью в руках у холста, повернул его жизнь иным концом. Художник нравился котёнку, хотя и имел чудаковатый вид. На голове вместо аккуратной причёски, как у бывшей хозяйки, – навильник соломы. Сутулый от природы, художник будто нарочно сгибался в три погибели над холстом, придиричиво щурия глаза и выискивая в рисованных фигурах собой допущенные погрешности. Часто отходил на какое-то расстояние от холста, смешно запрокидывал голову назад и вновь щурился, искал погрешности. Не найдя таковых, подходил к холсту, тыкал несколько раз кистью и снова, отойдя, запрокидывал голову. Все свои движения художник сопровождал мурлыканием какой-то песенки. Вот это котёнку в новом хозяине нравилось больше всего. Прежняя хозяйка пела лучше, но при одном воспоминании о ней по телу котёнка бежали мурашки. Бррр! Уж лучше на мороз. Её истерические крики наводили панический ужас, заставляя его дрожать в испуге. Она

требовала одно – у него выходило совсем другое. Долдонила одно и тоже: ”дурак, дурак”. Это слово котёнок запомнил на всю жизнь, потому что после него обязательно следовала затрещина. Каждая оброненная с усов капля молока выходила ему боком. Истеричка закатывала такую сцену, что бедняжка не раз пытался выпрыгнуть из форточки со второго этажа, что, наконец, и сделал.

Новый хозяин спокоен, выдержан и обходителен. А то, что он смешно запрокидывает голову назад и мурлычет все песенки на один мотив, – так это не беда. Ну и что ж, что ничего не поймёшь. Котёнок тоже мурлычет такое, чего человеку не дано понять.

Михал Егорыч поставил кисть в банку с жидкостью, по привычке вытер тряпкой руки, повернулся лицом к дивану. Котёнка явно разморило и он бльмал глазками.

–Слушай, любезный, а как мне тебя величать? – спросил художник и, зная, что ответа не будет, продолжил дальше, – нужно что-то придумать, – человек прищурил левый глаз, глядя на котёнка, словно на нём было что-то написано, потом, очнувшись, зашагал по комнате. На кого ты похож? Давай прикинем. Ага, -художник приложил палец к губам, – весь чёрный...ага... грудка белая, как манишка... лапки белые...ага...в носочках и перчатках. Пре-ле-стно! Черный, черный – испечённый, – замурлыкал художник, двумя пальцами оттягивая нижнюю губу. Он так всегда делал, когда нужно было что-то придумать, наивно полагая, что от-

тянутая губа помогает. Ещё в подобных случаях он почёсывал затылок, но тоже глубоко заблуждался, потому как на движение мыслей это никак не отражается. – Черный... что у нас черное бывает из одежды? Гм-мм! Правильно, пиджак... смокинг... фрак. В черном фраке с белой манишкой, в белых перчатках и белых носочках. Похоже, как дирижёр. Ди-ри-жёр... Будешь дирижёром, понял? – Михал Егорыч на одном каблуке развернулся на месте к котёнку. – Вообще-то, звучит тяжело. Ди-ри-жёрррр! Тяжело и неловко, как гроб с камнями: тру-ту-ту-ту-ту-ту-ту. Нужно лёгкое, что-то такое элегантное... О!.. Придумал... Маэстро! Запомни: МА-ЭСТ-РО!

Разморённый теплом и сытостью котёнок развалился на диване, всем видом своим говоря: называй кем хочешь, мне всё равно, только на мороз не выбрасывай. Конечно, нет. Не для того Михал Егорыч подобрал котёнка, чтобы опять выбросить на мороз. Художник не притеснял его ни в чём. Мало того, непререкаемый авторитет Михал Егорыча среди работников Дома культуры с первого же дня распространился и на Маэстро. На него никто не кричал и не понукал им. Сам Маэстро в любимчики не напрашивался, но и не дичился, когда его пытались погладить. Только прежде чем дать себя погладить, Маэстро сначала глядел человеку в глаза, как бы читая его душу- хорош он или плох- и уж потом мурлыкал на все лады. У одного человека он мог сидеть на руках часами, пока не надоест, а у другого только так, для приличия

задержится на минутку, другую и тут же прыг на пол, вроде бы у него какие неотложные дела.

Котёнок оказался послушным и очень смышлёным. Отзывался на свою кличку тут же, хотя по молодости был беззаботен и беспечен. Целыми днями Маэстро был предоставлен себе. Благо в Доме культуры простора хоть отбавляй. То найдёт в фойе металлическую пробку от бутылки и весь день гоняет её из угла в угол -она так загадочно дребезжит по полу! То в раздевалке из- за плинтуса выцарапает оторвавшуюся пуговицу. Подкинет её лапкой вверх, потом ловит и кубарем катается с ней по полу. Одним словом, ребёнок- есть ребёнок.

А вечерами его как -будто подменяли. Бросал свои глупые игры, торопился на сцену. Уж очень нравилось ему покрасоваться перед публикой. Когда в зале появлялись первые зрители, он выходил на авансцену, усаживался перед занавесом, тщательно вылизывая себя, мол, смотрите, я тоже готовлюсь к выступлению. Сторож Дома культуры, хороший знакомый Михал Егорыча, сидя в последнем ряду и глядя на Маэстро, говаривал:

–Антил-легент! Воистину антиллегент!

Зал заполнялся и заполнялся публикой, и Маэстро прихорашивался и прихорашивался. Помешать этому не могли даже скомканые в шарик старые билеты, запущенные в него исподтишка мальчишкой- сорванцом. Как только занавес вздрагивал, и публика громом аплодисментов встречала

артистов, Маэстро пулей удирал за кулису и больше не показывался. Очевидно, боялся рукоплесканий.

Однажды с ним произошёл довольно курьёзный случай. В Доме культуры выступал знаменитый виолончелист. Он, как и художник Синоеков, по “милости” неких дурь имущих лиц, вынужден был “прозябать” в закоулках огромной страны. Доставлял, так сказать, своё искусство в самую, что ни на есть глубинку.

Шёл концерт. В середине его Маэстро незаметно вышел на сцену, что за ним никогда не наблюдалось, и сел сзади виолончелиста. В последних рядах было хихикнули, но тут же воцарилась гробовая тишина. Со сцены плыли волшебные звуки, невидимым бальзамом лились в душу, рождая у каждого то грёзы первой любви, то слёзы о несбывшейся мечте. В эту святую минуту не то что люди, муха бы не вздумала шевельнуться. И вдруг, как заноза в сердце, будто ему дверь прищемили хвост, заорал котёнок. Виолончелист растерялся и сразу смолк, оглянулся и замер. Замер и зал. Ни единого движения, ни единого дыхания. Так длилось с минуту. Потом виолончелист улыбнулся, зал тут же взорвался смехом и бурей оваций, от которых напуганный котёнок юркнул за кулису.

Михал Егорыч, виновато сутулясь, поднялся с первого ряда, на цыпочках вошёл по ступенькам на сцену, чтобы запретить бедокура в комнате.

Виолончелист был великим музыкантом и, как все вели-

кие люди, удивительно простым человеком. Пикантную ситуацию с котёнком он превратил в шутку.

—Мне все твердят, что я отличный музыкант, в чём до сей минуты я сомневался. Теперь вынужден согласиться: заставить кошку подпевать может только действительно очень способный музыкант, — и концерт продолжился.

Слухи о котёнке быстро обошли посёлок. Молва людская нисколько не корила, а, наоборот, всячески восхваляла “певуна”. Говорили, надо же какой смышлённый, собаке ни в чем не уступит. И хотя у нас часто из мухи раздувают слона, в этот раз преувеличения отсутствовали на прочь, доказательством тому следующий случай.

Докатилась молва и до прежней хозяйки. Радужные отзывы на бывшего питомца, которого она почти уже забыла, тронули в ней струну самолюбия. Как это так? Кто-то пользуется её собственностью!

Надо вам заметить, что особа та была своенравна. Жила по принципу: смелость берёт города, а наглость квартиры. Не долго думая, позвонила в милицию. (Кстати, милиция у нас подчас слабого вывернет на изнанку, перед нахрапистым робеет, как дошкольник). Дежурный не понял в чём,, собственно говоря, дело, а особа давай брать его в оборот. Мол, я жаловалась (никому она не жаловалась, она просто забыла о котёнке) на пропажу, а вы и ухом не ведёте. Вынуждена сама искать.

—И нашла, — громко орала особа в трубку, не давая дежур-

ному очухаться. Тот и вправду сробел – направил по указанному адресу сержанта:

–Тебе всё равно делать нечего, – сказал дежурный, –сходи и разберись, что за пропажа. Уж больно баба криклива...

В выходные дни Михал Егорыч любил понежиться. Маэстро уловил эту слабинку в хозяине и старался не докучать раньше времени. Спал Маэстро вместе с хозяином, только поверх одеяла – уж больно жарко под одеялом. Проснувшись, котёнок садился на край постели прямо супротив лица хозяина. Мог часами ждать, когда тот откроет глаза. Встретившись взглядом, котёнок кивал головой, произнося что-то вроде “mmm”, мол, ну что проснулся?

В этот раз Михал Егорыч уже собирался открыть глаза, как услышал крики, долетевшие из фойе. (То особа явилась с милиционером). Маэстро ветром сдуло с постели. Он суетливо спрятался под диван. По поведению котёнка Михал Егорыч догадался: что-то неладное будет. Быстро встал, оделся и пошёл из комнаты, столкнувшись нос к носу с крикливой особой. Видом своим она напоминала вяленую воблу: тонкая, прозрачная и звонкая. Понятно, что доброта никогда не посещала её тело, потому как разместиться там не было места. Всё пространство души и тела заполнила злоба. Голос дребезжал, как ржавая консервная банка, задетая нечаянно сапогом.

–Где мой Виоллетик ?

Должен вам заметить, котёнок со дня рождения называл-

ся ею Виоллетой. Когда же грозную особу ткнули носом в нужное место и подсказали, что это “валет, а не дама”, она стала называть его Виоллетиком.

–Где мой Виоллетик? – грозно задрезжала консервная банка. Михал Егорыч от такой наглости стушевался и растерялся. Он никогда не врал, но тут его так и подмывало сказать неправду, чтобы облегчить участь котёнка. Однако Маэстро сам нашёл путь к спасению. Он прошмыгнул между ног у людей, шустро запрыгнул на один из занавесов. Мгновение – и он уже был под самой крышей сценической шахты. Михал Егорыч облегчённо вздохнул. Теперь даже если бы все пожарники посёлка пришли с лестницами, – котёнка не поймали бы: на сцене столько занавесов, всевозможных падог, канатов, что сам чёрт голову сломит. Короче, вобла осталась с носом. Её номер на сцене не прошёл.

Как-то в Доме культуры выступала Московская балетная группа. На репетиции одна балерина, увидев Маэстро, восторженно всплеснула руками:

–Боже! Какой красавец! О таком мой муж всю жизнь мечтает, – балерина долго и слёзно уговаривала Михал Егорыча продать котёнка за любую цену. – У меня муж дрессировщик. Мы готовим интересный номер. Нужен именно такой красавец.

Михал Егорыч давно подумывал перебраться в Москву, где можно чаще проводить свои выставки, а здесь на Колыме его совсем мало кто видел. Жильё в Москве художник поте-

рял вовремя "бульдозерной компании" и последовавшей за ней высылки. Сам-то он собирался в Москве как-нибудь перебраться у знакомых, на вокзалах. А как быть с котёнком? Кому нужен человек с таким довеском. С другой стороны, совсем незасорно отдать котёнка в хорошие руки, тем более дрессировщику. Два дня думал художник и согласился, отдал Маэстро.

Через некоторое время Михал Егорыч и сам покинул Колыму. Две его картины, показанные друзьями на выставке в Москве, произвели настоящий фурор. Французы захотели видеть его картины у себя, потом англичане, американцы. В России он стал бывать проездом. За рубежом познакомился со многими знаменитостями. В частности, в Париже его выставку посетил тот виолончелист. Музыкант, взглянув на Михаила Егоровича, узнал его. Разговорились. Художник напомнил пикантный случай с Маэстро.

–Жалко! Потерялся след, – горестно сказал Михаил Егорович.

–Как потерялся? – переспросил виолончелист.– Он же в группе Гольцева. Сейчас они в Лондоне на гастролях. У Маэстро коронный номер. И знаете какой? – музыкант взял под ручку художника и стали прохаживаться по залу. – На сцене за партами стоят собачонок двадцать с бантами, с жабо. На пюпитрах перед ними лежат ноты. Они, собачки, как бы хористки. Диктор за сценой по микрофону объявляет: "Маэстро! Ваш выход!"

Из кулис выбегает ваш Маэстро, становится на задние лапки за пульт “дирижёра”, передними машет, как попало, а собачки орут кто во что горазд. Это для зрителей, как принято сейчас говорить, настоящий отпад.

– Неужели! – удивился Михаил Егорович, скромно пряча радостную улыбку. – Поразительно!

– А что вы хотели!? Талант – он и в Африке талант. Талант, брат, не зароешь!

Жулет

У старика Михеича есть собачка Дамка. Чистюля! Ухоженная, форменная краля «Фи-Фи», хотя и обыкновенная дворняжка. Сама вся белая, только кончики ушек чёрные. Те самые ушки она любит

складывать крест на крест и по вечерам лает на полную луну. Недавно Дамка загуляла. Вышла на крыльцо и стала прохаживаться. Желающих составить компанию «на randevу» такой красавице оказалось, как стоило ожидать, предостаточно. Первым прибежал приبلудный чернявый кобель Анзор. О, уж эти беженцы! Везде- то они успевают быть первыми. Жених но уж больно драчлив («кров гарачий»). Сам не большой, а задиристый! – никому спуску не дает.

Дамка собачка сурьёзная, – с кем попало не якшается, тем более с первым встречным, как Анзор. Она легла на резиновый коврик, расстеленный у крыльца и стала ждать: может попутёвее кто объявится. Чернявый женишок, крутясь во- круг да около Дамки, твердил, как «отче наше», заученные фразы:

–Дэвушк...а дэвушк... Верь мнэ. Чесний слов...Клянусь аллах... другой так любит нэ можэт.

Тут у калитки появился Жулет, рыжий пёс с соседнего переулка. Нам придётся ждать и четвёртого героя моего рас-

сказа. А пока я познакомлю вас с Жулетом. Французистого в нём ничего нет, ибо не «жю», а «жу», то есть русское производное слово. Не трудно догадаться, что подразумевал хозяин, давая кличку своему пёсику. Жуликоватый, аж спасу нет. Украдёт, а скажет, так было. Жулет преподобный страсть как любил «ловить рыбку в мутной воде». Бывает, из –за косточки стравит двух собачонок, пока те выясняют отношения, Жулет сам «оприходуёт» лакомство и был таков. Правда, достаётся ему за это ого- го как. Посмотрите на его голову. Видите: три волосины на семи рядах. «Причёска испорчена» основательно, но вполне заслуженно. И бородёнка у Жулета жиденькая, жиденькая. Глазки рачьи на выкате всегда слезятся, словно он плачет, отчего вид постоянно обиженного существа.

Пока мы с вами рассматривали его, Жулет подошёл к калитке. Хитрюга знал все выходы и входы, потому без труда нырнул во двор через дыру в калитке, сделанную хозяином распрекрасной Дамки для её же нужд. Пролез, значит, в дыру, но пойти в глубь двора побоялся рискнуть, ибо там можно было и «схлопотать». (У Анзора «не заржавеет»: чуть что, – сразу в глаз). А здесь, вдалеке, у калитки... он (Жулет) вроде бы с боку припёку. Присел так на всякий случай, и от выхода недалеко (если что, – во время «слинять»), а вдруг что «обломится». Ах, это «вдруг»! Будь я поэтом, сложил бы гимн этому слову. Как часто оно выручает. И на этот раз... Вдруг у калитки появился Охламон. Здоровенный пёс, весь

неухоженный, дуже лохматый. Репей на репье сидел в его шерсти, ну вылитый батон с изюмом. На здоровье Охламон никогда не жаловался. (Это, кстати сказать, для таких красоток особой роли не играет). «Здоровье- ерунда! – считает она. – Был бы человек хороший». Охламон как раз был не из тех. Мнение Дамки о нём было однозначно (и я с ней согласен целиком и полностью): «Тюха – Матюха. Ни украсть, ни покараулить».

Дамка нехотя бросила взгляд в его сторону и скривила мордочку:

– Тоже мне жених! Хотя бы причесался...

Охламон, между прочим, знал, что женщины коварны и, если они тебя ругают, это ещё не значит, что не любят. Потому и ругают, что любят. Хотят, чтобы ты стал лучше, хотя бы внешне, в причёске. В парикмахерскую Охламон не побегал. Он справедливо полагал, что любить надо такого, какой есть, – не хрена припудриваться...

Пёс склонил свою бестолковку к дыре в калитке и увидел там Жулета.

– Ты...хмырь... Позови Дамку. Я хочу с ней погулять. А не то сейчас снесу к чертям собачьим весь забор вместе со столбами. – Охламон просунул голову в дыру и слегка пошевелил ею. Петли заныли грудным ребёночком, и в лад им жалостливо затрещал штакетник. Звуки образумили Охламона. Он отпрянул от дыры. Зато Жулёт наполовину высунулся через дыру, трясая бородёнкой, залебезил:

–Чего ты... Чего ты испугался... Заходи... Она вон с Анзором шашни водит...– Жулет вышел к Охламону, дружелюбно помахивая хвостом и преданно заглядывая ему в глаза. – Не бойся... заходи... Смотри как я это делаю, – и он стал проворно скакать туда и обратно, туда и обратно. Он делал это с превеликим удовольствием, потому что в голове уже имел план, как облапошить разом обоих соперников.

Если Охламон очутится по ту сторону забора, Анзор очуется от злобы. На стороне Охламона сила, у Анзора – дури на десятерых: будет биться до последнего издыхания, ни за что не уступит. Дамка усекла замысел Жулета (вот оно женское коварство!), лукаво ухмыльнулась и подмигнула ему, мол, в любом случае в накладе не останемся. Оно и действительно, зачем ей Анзор с Охламоном?! По – теперешней жизни пронырливые в цене: детишки пойдут деловые, наподобие Чубайса и Березовского.

План Жулета сработал точно. Охламон аккуратно протиснулся в дыру (чего не сделаешь ради любви!). Китка приподнялась на петлях, нудно вереща: «аккура – атней!!! Ссссорвусь же!»– но не сорвалась, а буквально повисла на честном слове, затаив в себе угрозу в любой момент сорваться и прихлопнуть кого ни попадя.

Зенки Анзора налились всеми цветами радуги. Так бывает у южан. («Кров гарачий»). Шаровой молнией метнулся он на Охламона. Клубком покатались собачьи тела мимо крыльца к сараю, шипя и швыркая, как яичница на пере-

гретой сковородке. Слюни так и брызнули по сторонам. Началась битва не на жизнь, а на смерть. Драчунов уже водой не разлить.

А что же Дамка с Жулетом?

Тех тоже водой не разлить! Они предались той любви, которой могут предаваться только одни собаки: клещами не оторвать друг от друга.

Вскоре драчуны образумились и вдруг(!) увидели, что их наглým образом «надули»: не только «сливки были уже сняты, но и горшки перебиты». Анзор с Охламоном, опешив, на мгновение замерли. Не сговариваясь, оба разом вцепились в закрик обольстителю, – только шерсть столбом. Бедный Жулет! Обычно его выручали ноги и сейчас спасли бы, кабы не «прицеп» в виде Дамки, державший его, как якорь.

Скорее всего разъярённые друзья по несчастью разорвали бы Жулета, но тут угрожающе закрипела избяная дверь: хозяин, услышав возню во дворе, решил посмотреть, что за шум. Застигнутые врасплох, герои кинулись врассыпную. Первым покинул двор Анзор («горячий кров быстро стынет»). За ним бежал Охламон, забыв про осторожность. Злопамятная калитка до поры до времени продолжала таить угрозу. Ждала только случая. Охламон пулей рванулся в дыру, калитка сорвалась и прихлопнула... Жулета, бежавшего последним. На бедного Макара все шишки! А всё из – за чего? Непомерная хитрость. Не зря говорится, на хитрую... В общем вы меня поняли. С умом нужно всё делать! С у-мо-

MOM !